

Элина Иоффе

Еврейские предметы в рассказах жителей Латгалии

Предметы материальной культуры евреев Латвии являются основным предметом собирательства и изучения двух музеев – «Синагоги и музея евреев в Даугавпилсе и Латгалии» и музея «Евреи в Латвии» в Риге. Еврейские предметы хранятся также в коллекциях краеведческих музеев, например, краеведческого музея города Лудзы. В музейных коллекциях представлены некоторые предметы синагогального убранства и документы различных еврейских организаций. Предметов традиционного быта, не имеющих значительной материальной ценности, после событий Холокоста в Латвии сохранилось немного. С точки зрения этнографии, предмет традиционной материальной культуры важен в первую очередь в своей связи с носителями этой культуры, которые могут описать процесс его изготовления, приобретения, хранения и применения.

На данный момент в Латгалии, где проводились наши полевые исследования, насчитывается менее ста жителей-евреев. Латгалию довоенного периода можно назвать «регионом длительных этнокультурных контактов», это определение О.В. Белова в своих исследованиях применяет

также к Полесью, Подолии, Западной Белоруссии и Галиции. Она пишет, что, «изучая традиционную культуру подобных регионов, исследователь непременно сталкивается с проблемой, касающейся интерпретации элементов одной традиции носителями соседствующей традиции. В такой ситуации налицо стремление представитель одной культуры «перевести» на «свой» язык «чужой» культурный код, дабы сделать его понятным и доступным» [Белова, Петрухин 2008]. В данной публикации мы предлагаем рассмотреть рассказы жителей Латгалии о предметах еврейской материальной культуры как отдельные примеры осмысления и интерпретации соседней традиции.

Сбор материалов, воспоминаний о евреях от нееврейского населения того или иного региона за последние годы стал неременной частью экспедиций и полевых школ центра «Сэфер», особенно если речь идет о таких территориях, где еврейское население было практически полностью уничтожено в годы Холокоста, или о таких, где значительная часть его переехала из местечек в крупные города, эмигрировала в начале 1990-х.

Такой подход, с одной стороны, дает богатый материал для изучения устойчивых стереотипов о евреях, а с другой – позволяет зафиксировать некоторые детали еврейских обрядов и традиций, которые особенно заметны при взгляде извне.

Опросник, которым пользовались участники полевой работы, содержит блоки вопросов, касающиеся внешних черт и отличий в быте евреев (в том числе в использовании предметов материальной культуры). Некоторые информанты вспоминают особенности одежды, традиционной кухни [подробно об этом см.: Просина 2013; Андреева, Вятчина 2013]. Однако в материалах полевого сезона 2014 г. значительно чаще встречаются упоминания о том, что евреи одевались *как все* или *более нарядно*, если позволяли средства, а готовили вкусно и охотно делились рецептами. Отличия в устройстве еврейского дома почти не упоминаются в интервью. Лишь несколько интервью из Латгалии содержат упоминание о мезузе («предмете, который висит у евреев в дверях») [4.5], причем в самом рассказе не всегда описывается именно мезуза – например, информант упоминает (очевидно, перенося на евреев более знакомую традицию), что евреи вешали на дверь подкову. Интересно, что в других регионах вокруг мезузы сформировался целый ряд фольклорных сюжетов, среди которых весьма любопытны, например, рассказы о применении неевреями мезузы в магических целях (описание и исследование этих практик, предпринятое на полевом материале из Галиции см. у: [Галкина 2010; Галкина 2011]).

В ходе полевой работы было замечено, что информанты часто сами выделяют некоторые предметы материальной культуры как специально еврейские. Эти предметы обращают на себя внимание как некая специально еврейская особенность быта или как ритуальные, связанные с конкретным еврейским обрядом. Многие информанты не могут сформулировать, в чем отличие еврейских религиозных представлений от их собственных (в основном наши информанты либо принадлежат к старообрядческой общине, либо являются католиками). Однако, описывая евреев и еврейские особенности, они ссылаются на предметы материальной культуры как на некий маркер. В воспоминаниях о советском периоде, когда религиоз-

ность была вытеснена за рамки официально разрешенного дискурса, еврейские предметы так или иначе сигнализируют о сохранении традиции. Через рассказы об этих предметах раскрываются ключевые темы еврейской традиционной культуры, такие, например, как пищевые и субботные запреты, погребальная обрядность и особенности молитвенного ритуала. Рассказы неевреев о еврейских предметах представляют «видимую» (подобно вершине айсберга) часть еврейской жизни, и по этим приметам исследователь может судить о степени сохранности той или иной традиционной практики в данной местности в определенный период. В то же время рассказы о еврейских предметах входят в более широкий круг рассказов о евреях вообще, бытующих в фольклоре различных групп старожильского населения – латгальцев, русских и староверов.

Латгалия – по большей части аграрный регион, для которого была характерна хуторская система. Небольшие деревни были в основном моноэтническими и моноконфессиональными (например, деревни Латышское Стыглово и Русское Стыглово, расположенные по соседству). В довоенный период русские, латгальские, латышские и эстонские сельчане встречались обычно во время специально организованных мероприятий (танцы, вечеринки) и на ярмарках. Впрочем, существовали смешанные семьи, даже среди староверов брак с представителем другой христианской конфессии считался приемлемым. Евреи, в отличие от своих соседей, крайне редко занимались сельским хозяйством, жили в основном в городах. Сельские жители контактировали с ними мало. Многие информанты, выросшие на хуторе, рассказывают, что единственный еврей, с которым они сталкивались до приезда в город, – это разъездной торговец. Большинство рассказов об этих торговцах и предметах, которыми они торговали, построены по одной сюжетной схеме «еврей у нас в гостях». Став взрослыми, многие жители хуторов часто бывали в городе, посещали еврейские лавки. Некоторые из них позже окончательно перебрались в города, где общались с евреями во время учебы или на работе. Эти дружеские и соседские отношения информанты часто описывают по схеме «мы в гостях у евреев» и рассказывают о предметах, которые им случалось видеть у евреев дома. Уроженцы

*Екатерина Степановна
Алексеева (Кузнецова),
1919 г.р. Август, 2014 г.*

городов с самого начала описывают свои отношения с евреями как отношения соседства, однако таких информантов меньшинство.

Рассказы о еврейских предметах можно разделить на несколько групп. Информанты описывают и ритуальные предметы, используемые во время молитвы и проведения обрядов жизненного

цикла, и предметы быта, которые показались им необычными в еврейском доме. Наиболее часто упоминаются товары, которые евреи продавали. Еврейские лавки предлагали широкий выбор: на полках соседствовали мыло, керосин, селедка, сладости, тут же продавали одежду и обувь. Еврей-торговцы, которые разъезжали по хуторам, обыч-

но имели тот же набор товаров. Однако были и такие, которые занимались обменом мелкого товара (иголки, булавки, ленты, нитки и т.д.) на продукты крестьянского производства или предметы, связанные с крестьянским бытом (тряпье, щетина, кости и т.д.) В рассказах жителей хуторов встречаются истории об обмене одних предметов на другие [Терешина 2013]. Эти рассказы часто приводят как пример, подтверждающий хитрость и предприимчивость евреев, умудрявшихся извлекать доход от того, чему даже в большом хозяйстве небогатого хутора не нашлось применения. В данной публикации приведено несколько рассказов о евреях-торговцах, именно предметы играют в них ключевую для построения сюжета роль [1.1; 1.2]. Рассказы о приезде еврея-торговца можно назвать промежуточным вариантом между рассказами о еврейской торговле различными предметами и описаниями «еврейских предметов» как таковых.

К промежуточному типу можно также отнести рассказы о таком предмете еврейской торговли, как спички. Когда речь идет о евреях-торговцах, спички часто упоминают как типичный товар, который привозили на хутора. В рассказах о городской жизни, для которой характерно более тесное соседство евреев и неевреев, часто встречается мотив «зажигания спички для еврея». Речь идет о распространенной практике просить неевреев зажечь огонь в субботу: например, поджечь растопку в печи [2.1]. Иудеям это делать запрещено, но обходить таким образом ритуальный запрет считалось вполне допустимым, основной субботний запрет – запрет на выполнение любой работы – воспринимался значительно строже. Согласно еврейскому закону, зажигание огня квалифицируется как отдельный запрет, не связанный с «работой». Зажигать огонь от уже горящего источника тоже запрещено. Неевреи же, напротив, объясняют поведение своих соседей (отказ от зажигания огня) крайней строгостью еврейского запрета на работу в субботу, который не позволяет даже позаботиться о своем комфорте и пропитании [2.2]. Большинство информантов подчеркивает именно незначительность услуги, притом, что евреям, по их мнению, она крайне необходима. Спичка в таких рассказах из обычного бытового предмета превращается в некий символ це-

лой системы ритуальных запретов, связанных с субботой.

Еще одна важная особенность «еврейской веры», на которую обращали внимание неевреи – пищевые запреты, или «кашрут». Евреи-торговцы нередко оставались на ночлег на каком-нибудь из хуторов, когда разъезжали с товарами. Помимо ночлега хозяин хутора отводил для коня торговца место в стойле и давал ему корм. Проблеме кошерного питания герои рассказов решали по-разному: некоторые ели за хозяйским столом, однако воздерживались от употребления мяса, некоторые предпочитали использовать собственную посуду и продукты [3.7; 3.8]. Рассказы об этом составляют большую группу воспоминаний, и, кроме прочего, в них обычно описываются некоторые особенности еврейской посуды. Большинство информантов описывают посуду как предмет быта, однако с точки зрения еврейской религиозной традиции, специфическая посуда в первую очередь необходима для соблюдения кашрута. Например, в традиционном еврейском доме была отдельная посуда для мясного и молочного, специальные блюда и бокалы для встречи субботы, особые сосуды для омовения рук и т.д. В рассказах информантов также упоминаются отдельный пасхальный сервиз и пасхальное блюдо [3.1] – посуда, к которой предъявляются самые строгие требования кашрута. Песах, или еврейская Пасха, – один из самых известных еврейских праздников среди неевреев. Чаще всего он упоминается в связи с комплексом мифологических представлений о приготовлении мацы, – «кровавом навете» [Амосова 2013], однако встречаются и отдельные рассказы о некоторых предметах посуды [Амосова, Каспина 2010]. Чаще всего информанты в Латгалии описывают небольшие рюмки, в которых можно опознать кидушные (то есть предназначенные для кидуша – субботнего благословения) и пасхальные стаканчики [3.3; 3.4; 3.5; 3.6]. Обычно эти сюжеты приводятся как доказательство трезвого образа жизни, которым, по мнению информантов, отличались евреи.

В еще одну группу можно выделить рассказы о молитвенных принадлежностях, которые в восприятии неевреев относятся к ритуальным предметам. Эти предметы фигурируют и в описании

визита еврея-торговца на хутор, и в рассказах городских жителей, заходивших в дом к своим соседям-евреям. В большинстве рассказов, называя эти предметы по-разному, информанты описывают тфилин, особенно часто рассказывают о том, что видели его на голове молящегося [4.1; 4.3; 4.4; 4.5]. Иногда информанты называют тфилин «рогом», очевидно имея в виду ту его часть, которая надевается на голову. В редких случаях в описании еврейской молитвы упоминается штендер (специальный пюпитр) с раскрытой книгой. Утверждение, что евреи молятся «по книгам», встречается достаточно часто, и, видимо, информанты отмечают эту особенность как некое противопоставление практике христианской молитвы (где основные молитвы читаются по памяти). Встречаются также упоминания о еврейских книгах [4.2]. В основном это рассказы о конфискации и последующей раздаче еврейского имущества и товара местным жителям в годы Холокоста. Нами были записаны также рассказы о ценностях (книгах, украшениях, столовых приборах из драгоценных металлов), которые евреи оставили своим знакомым на сохранение или спрятали (в том числе окладах). Эта тема заслуживает отдельного исследования в связи с воспоминаниями о Холокосте на территории Латгалии.

К воспоминаниям о ритуальных предметах можно также отнести рассказы о еврейских погребальных принадлежностях. Еврейский погребальный обряд, будучи одним из наиболее доступных для внешнего наблюдателя обрядов жизненного цикла, часто становится темой рассказов неевреев, живших в городах (то есть тех, чьими соседями были евреи) [Алексеевский 2013; Каспина, Амосова 2012; Каспина 2011]. Особый интерес представляет описание гроба, принадлежавшего погребальному братству и использовавшегося только при транспортировке тела до кладбища [5.1; 5.2]. Это редкий предмет, который можно увидеть всего в нескольких музейных и общинных коллекциях. В рассказе информантки из Карсавы, по стечению обстоятельств оказавшейся хранительницей еврейских похоронных принадлежностей [5.2], описывается традиционная погребальная церемония 1960-х гг., когда во многих общинах уже практиковались исключительно светские похороны и гражданская панихида.

1. Предметы еврейской торговли

1.1

Раз так, у меня конский хвост был, батькой отрезан большой и завязанный так, подвешенный, пусть высохнет, и тогда поедет Филипп – продашь хвост этот. Я думала, что в самом деле, что он много денег даст мне за этот хвост. А он смотрит, увидел этот хвост, говорит: «А чей это хвост?» А я говорю: «Это мой хвост!» – «Ну да, твой хвост, ты разве с хвостом ходила?» – «Нет, – я говорю, – моя кобыла с хвостом ходила». – «Ну, так продай мне этот хвост!» А я говорю: «Ну ладно, можешь купить, я его продам, папа сказал, что можно его продать». А я думала, и правда, он мне много денег даст, я ему подала хвост, он хвост сразу в телегу прибрал – и знаешь, что? Он мне за один хвост булавку дал! «Parku vienotu mani bulavku¹?» – говорю по-латышски. А вот так, а больше, говорит, не стоит этот хвост, как одну булавку. А папка мой говорил, что можно щетку хорошую с этой щетины сделать. [Kars_14_05]

1.2

Ну, вот я помню, что приезжали почти каждый год, как же... Ну, может быть Антонина и сказала, как его звали, этого еврея. На лошади, на такой телеге, там уже было на той телеге, там этих тряпок уже набросано, там уже стояли кучи такие. И мы уже собирали вот эти, летом он когда приезжал. Как уехал – и целый год мы эти тряпки собирали уже. Как что не годилось, вот будет, по-латышски говорили, «zidenam». «Zidenam» откладывали в «klēts», там не амбар, ну, в таком помещении откладывали. Тряпок-то не так-то много раньше было, как сейчас там, вот так там какое старое-старое пальто, скажем, может быть, шуба какая, как раньше что у нас было: одно платьице выходное, парадно-выходное, второе – что дома носить. Так же, когда в школу ходили, вот эта форма была, пришли со школы сняли, одели это старое и ходили. Но

¹ «Почему даешь мне булавку?»

Латы 1920-х гг.

вот это, сколько там набиралось этих тряпок. Ну, и он, конечно, как и евреи, все время там или недозвешивал эти, надо было там все... Бабушка подходила или тетя Оля все время так смотрела, он на этом – «bezmēns» говорили – на таком, как по-русски не знаю, такой старинный, он там взвешивал-подвешивал, весил, ну и вот что там было. И последний раз, помню, сеledку хотели мы, а он говорил: «Все уже, сеledка кончилась, только мыло осталось». Вот сколько там кусков мыла за один килограмм давал и уезжал на этой телеге. [Kars_14_02]

2. Зажигание спички

2.1

[Инф. 1:] ...В субботу они даже не могли спичку вычеркнуть! У нас ведь как – и в воскресенье все необходимое, и коло скота ухаживали. Там на поле не работали, вот что.

[Инф. 2:] Они в пятницу уже заготавливали!

[Инф. 1:] Да, да! Вот папа и рассказывал, что, когда он солдатиком был, солдатом был. Говорит, это было, значит, в субботу. И, говорит, я, говорит, иду, замерз весь. Ну, а как солдатам – ботинки, обмотки – как это в Первую мировую войну. И вот, говорит, такой пожилой еврей стоит, говорит: «Солдатик, – говорит, – зайди сюда». – «Ну, что тебе?» А у них, значит, в квартире затопить печку все положено: дрова, растопка, дрова – только спичку вычеркнуть. И в субботу нельзя было, закон у них, религия за-

прещала даже спичку вычеркнуть, чтоб поджечь вот это! Ну, говорит, вот затопи мне печку. Вот, говорит, я растопил эту печку, сам обогрелся, говорит. Вот так. [Zil_14_04]

2.2

Здесь, например, как рассказывали наши, ну, лудзенские сторожилы, да, которые уже мне рассказывали, сидела какая-нибудь, тетушка-еврейка, сидела на пороге своего дома и ждала какого-нибудь христианина. Для чего по субботам сидела ждала? А у нее уже спички приготовлены, говорила: «Только зажги спичку!» Вот ничего не надо, в печке лучинки, растопочка, дрова, но ей нельзя самой зажечь, потому что, по-моему, шабат, правда, как там? Святой день субботний, и нельзя работать! Значит, ждала христианина, чтобы зажечь ей, вот этой спичкой чиркнул! [Lud_14_23]

2.3

Или вот как тут жили евреи, Тамшинские, Янкель старенький. Как суббота – шабаш! [Шабаш?] Шабаш называется, шабаш – суббота. В этот день они ничего не должны делать, а у них был примус такой, на чем готовили кушать, примус надо было зажигать спичкой. Приходит он ко мне и меня зовет туда и говорит, к себе домой: «Зажги мне примус! Я не могу, мне грех». [Ага, и Вы?] Я зажигала ему этот примус. [Lud_14_21]

3. Еврейская посуда

3.1

[Скажите, а была у какая-то специальная посуда?]

[Инф. 1:] Посуда была!

[Инф. 2:] А посуда была обыкновенная, обычная в такие дни, а на Пасху, еще на какой-то там праздник у них была на чердаке посуда специальная, специальная посуда. Ту посуду доставали с чердака, когда на праздник.

[Инф. 1:] Большой праздник когда.

[А вы знаете, чем она была особенная?]

[Инф. 1:] Да я понял, видел там тарелку одну, узоры там, на иврите все написано было. Вну-

три тарелки, по краю внутри, по внутренности все на иврите было. [Lud_14_11]

3.2

А посуда у них... Я вот с подружкой дружила, еврейкой, в школе, ну, я часто бывала у них. Вот у них как-то очень чисто в доме, и вот когда праздник какой, перед Пасхой, у них это, медная, по-моему, медная посуда, вот что-то... очень много было. Вот что запомнила, заходишь и вот комната такая, буфет стоял, такая посуда, вот, я на что обратила внимание. У нас там, ну какой-то сервиз стоит, да, в буфете, а у них большинство вот такой вот. [Lud_14_01]

3.3

К Пасхе они готовили такое вишневое вино, настаивали. [Вишневое вино?] Настаивали вино это и держали к Пасхе. А потом вот, когда пили уже, я помню, что, сколько уже совсем... Вот такие, как наперсточек, такие серебряные бокальчики. [Бокальчики? Рюмочки?] Рюмочки, как рюмочки такие, как на конец пальца. Вот они пили. Ну, это просто очень вкусное было такое вишневое, как настойка делали. [Lud_13_16]

3.4

Мы не лезли друг другу в душу, праздник – значит, пришли в праздник. Она ставила, как всегда вот евреи, на стол такие маленькие рюмочки. Вот идем в гости, а мой отец, ну, русский мужик, он... Ну, мать там впереди с детьми, он меня толкает: «Три рубля есть у тебя?» А три рубля стоил стакан водки в буфете, продавалось на разлив. «Ну есть, – я говорю, – но, пап, мы же идем в гости, там же все будет!» – «Вот палец так опусти – и та рюмка пустая! И буду я целый вечер сидеть мучиться!» – он говорит. Ну, это я вам ради шутки, понимаете. Он выпивал вот стаканчик, и тогда он уже спокойно сидел за столом и пил из этой рюмки. [Zil_14_02]

3.5

[Инф. 1:] Водку пить, конечно – это, у них это большой грех. [Да? Они не пили?] Вот такой, пятьдесят грамм, мензурочка, старый Янкель перед Пасхой, на Пасху вина, кагора. [Кагора?] Да, вот такую вот, пятьдесят грамм.

[На Пасху?]

[Инф. 2:] Да, такая у него была железная рюмочка такая. <...>

[Инф. 1:] Да-да, норма - все! Они вообще не пьющий народ. [Lud_14_11]

3.6

[О еврейских свадьбах:] Ну, не как у нас, у русских или у латышей, что пьют до упада. Аккуратно, аккуратно все. Это как вот, когда выпивают, сейчас обычно наливают у нас гранатовый [граненый – прим. ред.] стакан, русские там или латыши, а у них рюмочки такие небольшие, вот сейчас часто еще вспоминаю: «Что ты в еврейский наперсток льешь, дай русский стакан!» [Kars_14_01]

3.7

Они же знаете – у них своя посуда была. Они с нашего, с нашей посуды... Ну, вот чугуны, как в печке, поскольку там свинина варилось, это уже как поганое считалось. Если они приезжали там, ночевали – у них свои чугуны, вот. А еще вот мой свекр покойный рассказывал, у него двоюродный брат был в деревне Гришино, такой Трофимович. И вот там, значит, заехали евреи, еще до Первой мировой войны, переночевать. И вот поставил он там свой чугунок, что-то там, в печку русскую там что-то готовить. А этот, как мой свекр говорил: «Ууу, азиат!» А раньше – почему азиат? Как будто в Азии были не такие люди, как у нас, какой плохой – это «азиат», говорит, как ругательное слово. Говорит: «Азиат – мой брат!» Принес, говорит, – боров был зарезанный, – и вот свиной хвост этот, еврей не видел, и в горшок его, хвост. Еврей этот вытащил свой чугунок из печки, и там этот свиной хвост, вынес он его на улицу, как даст! А чугуны-то был чугунные, они же если как дать об камень – разлетелся на мелкие куски этот чугунок! И вот мой свекр говорит, вот, азиат – мой брат, надо же было такую подлость сделать. [Zil_14_04]

3.8

Еврей моему отцу знакомый был, он всегда возил селедку, масло растительное, еще что-нибудь. Все собирал: щетину, хвосты конские, шкурки.

Торговал как бы, привозил селедки, людям продавал, вот так вот. Такой еврей хороший, Филипп, был. Отец мой ему коня поставит в хлев и напоит, и сена даст, он переночует. Мать уже готовит еду, а он – нет, он только свой горшочек подал вот такой, в своем горшочке варил картошку, то, что мама сварила ему, а с нашей кастрюли или с горшка он не кушал, из своей кружки только пил. [А почему так?] Ну, вот так евреи, такой закон, они ничего чужого, считают, что как бы грешно им или что такое. [Kars_14_05]

4. Еврейские молитвенные принадлежности

4.1

[И вот, вы когда туда зашли [в синагогу в Старой Риге – *прим. ред.*], евреи, они молились?] Да! [А на каком языке они молитвы читали?] Ну, слушай, там на еврейском. [На еврейском?] На еврейском, да. Ну, мы только обряд... видела, что священник... я буду священником называть, потому что я не знаю, как представителя еврейской секты, может, рабин или как? [Угу, да!] У него вот так были ремешок и такая кичка [показывает на лоб – *прим. соб.*], и руки тоже вот так были, ремешком так, ну, прикручены. И он... Вот простой, мне, нам казалось, что это простой, да, веник, и он с этой руки брал ветки, и тогда с этой руки брал ветки². [Zil_14_03]

4.2

[А дома они молились?]
[Инф. 1:] Да, была специальная комната.
[Инф. 2:] Там подсвечники.
[Инф. 1:] Там подсвечники стояли
[Инф. 2:] И было очень много Библий у Янкеля.
[Инф. 1:] Ой-ой-ой, исторических!
[Книги, да?]
[Инф. 2:] Это Библии. Ценные, где-то есть закопаны, только не знаю. [Закопаны?] Ну, он умер,

она умерла. Эти самые, молодежь уезжала в Америку, ну сначала уехала, потом в Америку, и все эти самые закопали. [А почему закопали?] А куда, а куда было?

[Инф. 1:] Это очень ценные книги, они миллионы стоят!

[Инф. 2:] Очень ценные книги, закопаны где-то там, где-то возле кладбища, еврейского³.

[Инф. 1:] Там на горе. <....>

[Инф. 2:] Дед Янкель, он был раввин, может, Янкель и молился каждый день. А так молились обычно в пятницу.

[Инф. 1:] Каждую пятницу! Очень крепко молились.

[Инф. 2:] Эти самые зажигали, подсвечники. [А сколько свечей там было?] Ну, не помню.

[Инф. 1:] Слева подсвечник, я точно помню, стоял, и справа, посередине там стол, никакой подставки. И Библии, и книги.

[Инф. 2:] И в сундуках были...

[Инф. 1:] Такой сундук был у него, такой деревянный, и крышка, там проблема была – тяжелая, и он на замок его, на амбарный, закрывал, чтоб туда никто не лез. [Lud_14_11]

4.3

Русские вот, православные, крестятся, осеняют себя крестом, евреи не крестятся. [А у них есть что-то похожее?] Что-то не видел я, вот. У них такой, а может и называется – рог изобилия, что привязывают рог. [А что там такое привязывают? То есть это рог настоящий?] Ну да, рог настоящий. [А почему такое?] А вот это я не знаю. [Вот они привязывают этот рог и что делают с ним?] А не знаю, может, кого бодают! [смеется] [Это они, когда молятся, привязывают или что?] Да, когда молятся, я видел, когда заходили к Блоху. [Kars_14_07]

4.4

А молятся они, молятся как. Я когда пришла искать этот дом, он коло печки сидел, = старый хозяин, ему больше уже, наверно, ста лет было. И вот он роги, на такой резиночке, да, и здесь

² Видимо, имеется в виду «арбаа миним» – набор из четырех растений, необходимый для молитвы в праздник Суккот.

³ Возможно, имеется в виду обычай захоронения обветшавших книг, содержащих священные тексты или их фрагменты.

Стаканчик для седера. Латгальский культурно-исторический музей (Резекне)

два рога – так он молился Богу. [А по книжке молился?] По книжке. [А книжку не видели?] Не-не-не. [А на каком языке он молился?] На своем, на еврейском. Конечно, на своем. Но это я не поняла, я как зашла, он молился, потом он все бросил, и мы стали договариваться. А на каком языке – тут я не могу вам сказать.

[Kars_14_04]

4.5

...Я слышал, как в квартире молятся евреи. Чурка такая, на лоб такая чурочка, на лоб такие ремни, ремень тут и ремень тут. [Привязывал ремнями к голове?] К голове чурочка и тут чурочка – две чурочки. Вот так вот и в руках держит. И у них, когда в магазинходишь – была такая пластиночка прибита. <...> Но мне коснулось, что у них там, на дверях было это, бывала такая планочка набита, как палец толщиной. Я ж все ж таки один раз добрался, сорвал. По-

смотреть. Там кусочек бумажки поставлено и написано что-то по-еврейски. Ну и все. Ну и потом, когда уже немцы были зашедши, в той пекарне, я нашел эти, где хозяин молился, нашел те чурочки. Тоже расколол тую чурочку. Там в чурочке тоже волосики в кубики положены и бумажка, по-еврейски написана. И все. Расколол чурочку. Посмотреть, что в той чурочке. [Lud_13_18]

4.6

Очень набожные были евреи, да. Вот у них в субботу, кажется, в субботу, если я не ошибаюсь, или в пятницу вечером, они должны были молиться. А молится они очень странно как-то, какой-то этот, такой как бы шнур или какая-то повязка, он так наматывал на руку и вот так вот раскачивается, молился перед окном. [Lud_14_01]

5. Похоронные принадлежности

5.1

Уже работала я в 62-ом, 63-ем, у нашей Ханы Марон умер муж, Лившиц. Вот, хоронили мы. Он здесь у нас работал, в больнице, мы все должны были идти. Видела у них такой, вот как ползунки у детей, саван такой белый, и тут все закрыто, руки вот так вот, ну, знаете, как ползунки здесь надеты. Черный, черный ящик, и везут они. [Ящик? Не гроб?] Не гроб, ящик, черный ящик с ручками. Ну, и потом у них нет гроба.

[Kars_14_01]

5.2

Телега была и ящик, в котором они хоронят. [А какой ящик, как он выглядел?] Просто четырехугольный, выкрашенный черной краской, в середине там простынь была и потом была подушечка, и потом покрывало такое черное, вот. И они этим, значит, этого, вот, например, один умер, да, он этим, а потом оставляет это все для следующего, это самое в гробу остается. [А почему это все у вас было?] Потому что... нет, я купила ихний еврейский дом, это еврейский дом, синагога тут была. И телега как осталась

эта с гробом, с гробом называемым, и так она осталась. И потом они увезли в морг, и потом не знаю с нашего морга... 25 лет она тут была. <...> Они одевают белый «комбизон», вот тут шапочка, что даже не видно, что это человек, в таком, как в мешку, так все. <...> Они, когда привезут покойника, в руках дают такие прутики. Потом ложат стеклянные такие осколки, потом ложат с песком этот, такую торбочку маленькую, шитую. <...> Раньше было такое, это в старые времена было, тут телега, четыре колеса – они тянули сами этого покойника, вчетырех и тянули. Ну, когда он у меня этот гроб был, уже этот, уже везли на лошади или на машине. [А в каком году вы это купили?] В 63-ем, 25-го января я перешла сюда жить. [Kars_14_04]

Литература

- Алексеевский 2013 – *Алексеевский М.* Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. М., 2013. С. 132–176.
- Амосова 2013 – *Амосова С.* «Поймают, убьют, кровь вытянут и прибавляют в эту мацу»: рассказы о кровавом навете в Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. М., 2013. С. 191–218.
- Амосова, Каспина 2010 – *Амосова С., Каспина М.* Детские воспоминания о праздниках: евреи и славяне о Песахе // *Лехаим*. 2010. № 3. С. 33–39.
- Амосова, Каспина 2012 – *Амосова С., Каспина М.* Еврейский похоронный обряд глазами евреев и славян // *Лехаим*. 2012. № 3. С. 19–27.
- Андреева, Вятчина 2013 – *Андреева Ю., Вятчина М.* «Кошерный стол» и «хазер»: пищевые практики евреев в представлении нееврейских жителей Латгалии // *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии*. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. М., 2013. С. 218–245.
- Белова, Петрухин 2008 – *Белова О., Петрухин В.* Славяне и евреи: практика и мифология соседства (по материалам полевых исследований в регионах этнокультурных контактов) // *Диаспоры. Независимый научный журнал*. 2005. № 1. С. 153–186.
- Галкина 2010 – *Галкина Н.* «Приказание»: пример заимствования оберега в ситуации этноконфессионального соседства // *Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции: сборник статей*. М., 2010. С. 322–336.
- Галкина 2011 – *Галкина Н.* «Украсть и сжечь»: предметы иудейского культа в магических практиках славян // *Живая старина*. 2011. № 2. С. 56–58.
- Каспина 2011 – *Каспина М.* Представления о смерти у евреев Подолии и Бессарабии (по полевым материалам 2004–2010 гг.) // *Традиционная культура*. 2011. № 4. С. 80–90.
- Просина 2013 – *Просина С.* Одежда, внешность, запах: общие характеристики внешнего вида евреев // *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии*. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. М., 2013. С. 245–272.
- Терешина 2013 – *Терешина Д.* «Многие евреи... они все занимались торговлей»: воспоминания о еврейских лавках и бродячих торговцах довоенной Латгалии // *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии*. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. М., 2013. С. 245–272.